

СЮЖЕТ СУДЬБЫ

Об авторе | Светлана Шнитман-МакМиллин, окончив Ленинградский университет, работала два года в Эрмитаже. В 1977 году уехала в Швейцарию, где окончила Базельский университет и защитила докторскую диссертацию в Лозаннском университете. Работала в Лозаннском и Цюрихском университетах. В 1994 году переехала в Лондон. Доцент Высшей школы славяноведения и Восточной Европы Лондонского университета. Автор монографии «Венедикт Ерофеев “Москва — Петушки”, или “The rest is silence”» и статей о русской литературе. В ближайшее время в «Редакции Елены Шубиной» выйдет книга «Георгий Владимов. Литература сквозь призму судьбы», фрагмент из которой с незначительными сокращениями приводится в данной публикации.

От автора | Все цитаты, напечатанные курсивом, — живая речь Г.Н. Владимова, записанная мною во время встреч с писателем.

Светлана Шнитман-МакМиллин

Отщепенец и диссидент

Правозащитная деятельность и вынужденная эмиграция Георгия Владимова

параллели

урок —

хлеба,

падать ниц,

небо,

лиц.

... Заключенные

Преподали нам славный

Не делить с подонками

Перед властью не

И не верить ни в чистое

Ни в улыбки сиятельных

КОЛОКОЛ ЗВОНИТ

«На меня не надо было вешать “клеймо антисоветчика”, я им стал очень рано», — сказал мне однажды Георгий Николаевич. В молодости он старался найти свой путь в литературной жизни в рамках существующей системы. Но после короткой оттепели наступило похолодание, и молчать стало невозможно. Толчком к первому открытому выступлению против режима был состоявшийся 10–14 февраля 1966 года в Москве суд над писателями Юлием Даниэлем и Андреем Синявским. Осужденные виновными себя не признали и не каялись, что вызвало общее восхищение и сочувствие в среде интеллигенции.

Власти никак не ожидали той волны протеста, которую вызвали этот процесс и приговор. Шестьдесят два важнейших писателя и деятеля культуры подписали письмо протеста против ареста и суда, предлагая взять «виновных» на поруки. Молодые писатели тоже остро реагировали на происходящее: «В ЦДЛ меня встретил мрачный Вася Аксенов, день проведенный в зале суда, и сказал: “Надо писать”. Мы пошли к Гладилину в редакцию “Юности” и сочинили там письмо, которое подписали еще 18 человек. Мы писали о государственном престиже и несовместимости этого позорного судилища с демократией и цивилизацией. О том, что нельзя судить писателя — за публикацию. Текст был короткий, но энергичный. Подписали, сколько я помню, Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Окуджава, Василь Быков, Коржавин... Это было именно то письмо, а также письмо 62 маститых писателей, выступивших в поддержку Даниэля и Синявского, о которых Шолохов произнес свою мерзкую речь на съезде писателей, сожалея, что в наступившие вегетарианские времена господствует “правосудие”, а не “революционное правосознание” времен ЧК, и только поэтому “молодчики с черной совестью”, Даниэль и Синявский “не расстреляны”¹».

Шолохову «за нас всех» ответила Лидия Чуковская: «Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагерях со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда, — то есть, в сущности, приговор к болезням, а может быть, и к смерти, представляется Вам недостаточно суровым...

Вы поднялись на трибуну как представитель советской литературы.

Но Вы держали речь как ее отступник. Ваша позорная речь не будет забыта историей.

А литература сама отомстит за себя, как мстит она всем, кто отстывает от налагаемого ее трудного долга. Она приговорит Вас к высшей мере наказания, существующей для художника, — к творческому бесплодию. Никакие почести, деньги, отечественные и международные премии не отвратят этот приговор от вашей головы»².

Письмо Лидии Чуковской, названное Солженицыным «гордостью русской публицистики»³ и глубоко восхитившее Владимова, было направлено ею в восемь разных инстанций, три правления разных центров и отделений Союза писателей и пять печатных изданий, мгновенно распространившись в самиздате: *«Лидия Корнеевна понимала лучше всех нас, тогдашних, как работает система. Я очень многому у нее научился»*.

Но в 1966 году молодые писатели по неопытности послали свое письмо только трем адресатам — Брежневу, Косыгину и Подгорному, не сохранив его копии. В результате оно не попало в «Белую книгу» Александра Гинзбурга⁴, где собраны материалы о процессе над двумя писателями, и, как выразился Владимов, *«не осталось в истории»*. Подписавших по одному вызывали в ЦК КПСС, и Юрий Барабаш⁵ *«...промывал наши молодые мозги. Нам показалось, что письма он не читал. Больше всего его интересовало: кто зачинщик, чья идея, кто автор текста?»*. Владимов с Аксеновым особенно не скрывали, что именно они были авторами письма, а в результате *«книжки наши посыпались»*.

За первым выступлением последовал очень смелый гражданский шаг. В мае 1967 года Александр Солженицын обратился к IV Всесоюзному съезду советских писателей с открытым письмом, где требовал упразднения цензуры и гарантий защиты писателей от преследований и беззакония властей.

Владимов послал в Президиум съезда открытое письмо в поддержку Солженицына: *«И вот я хочу спросить полномочный съезд — нация ли мы подонков, шептунов и стукачей, или же мы великий народ, подаривший народу плеяду гениев? Солженицын свою задачу выполнит, я в это верю столь же твердо, как и он сам, но мы-то здесь при чем? Мы его защитили от обысков и конфискации? Мы пробили его произведения в печать? Мы отвели от его лица липкую и зловонную руку клеветы? Мы хоть ответили ему вразумительно из наших редакций и правлений, когда он искал ответа?»*

...Письмо Солженицына стало уже документом, который обойти молчанием нельзя, недостойно для честных людей. Я предлагаю съезду обсудить это письмо в открытом заседании,

вынести по нему ясное и недвусмысленное решение и представить это решение правительству страны» (4/145–148⁶).

Солженицын особо отметил это выступление: «А венчало всех доблестное безоглядное письмо Георгия Владимова, дальше меня пошедшего — в гимне самиздату»⁷.

Это письмо ставило автора на позицию открытого противостояния официальным литературным организациям, их практике и советской системе в целом: «*Бунт на корабле!*». «*После этого письма было затишье, и никаких особо репрессивных действий со стороны властей не последовало. Но атмосфера менялось очень быстро*». Последствия выступления в поддержку Солженицына почувствовались через пару лет, когда «забуксовала» публикация «Трех минут молчания»: «*Ввиду плохого поведения непокорного автора гнусное издательство “Советская Россия” не только не хотело платить гонорар, что должно было сделать по закону, но требовало вернуть аванс. Все это было как-то беспросветно*».

«Беспросветность» длилась несколько лет, но в 1975 году произошли два события.

«*Во-первых, в Германии был напечатан “Верный Руслан”, песик мой, сразу побежавший по миру, а во-вторых, в Московское отделение СП пришел Сергей Сергеевич Смирнов, лауреат Ленинской премии по литературе, автор “Брестской крепости” и очень симпатичный человек*».

Вскоре до Владимова дошел слух: «*Альберт Беляев, хозяин советской литературы*⁸, вызывал к себе Феликса Кузнецова⁹, чтобы выяснить, можно ли оказать на непокорного автора давление и где он уязвим. Кузнецов так объяснил ситуацию: “Роман лежит семь лет — не печатают, пьесу ‘Шестой солдат’ военная цензура забодала за ‘пацифизм’, и в Париж визы не просит”».

Кузнецов пригласил Наташу в ресторан, где расспрашивал, что можно сделать или пообещать для усмирения Владимова: «*Оказалось, что самой большой проблемой был для властей человек, у которого отнять нечего*». Владимов связался с Кузнецовым и предупредил, что каяться в публикации «Верного Руслана» не собирается, а если без его ведома будет опубликовано покаянное письмо, примет свои меры: соберет западных корреспондентов и объявит им, что письмо — фальшивка.

Тогда в дело вмешался Смирнов. Тяжелейшим моментом литературно-общественной карьеры Смирнова было его участие в травле Бориса Пастернака. По словам Владимова, Смирнов глубоко раскаивался и готов был помогать всем, как мог. Он вызвал Владимова «на беседу»: «*О собачке не упоминал, выступить против хищных западных издателей не предлагал и покаяния не ожидал — знали, что бесполезно*». Благожелательный Смирнов предложил опубликовать «Три минуты молчания» отдельной книгой тиражом в

100 тысяч экземпляров. Условие: встретиться и побеседовать с Феликсом Кузнецовым. Названная «Диалог в прозе», эта беседа была опубликована 18 февраля 1976 года в «Литературной газете»¹⁰. Каждый в ней говорил на ту же тему, но о своем. Кузнецов — о социальной ответственности писателя перед обществом, Владимов — о социальной ответственности писателя за общество. Кузнецов — о литературе и писателе как выразителе общественных процессов, Владимов — о важности для литературы личности и страстности писателя, являющегося «национальным достоянием» народа своей страны. Это были два голоса, которые вели разные партии, но, понимая смысл игры, старались не создать ощущения резкой какофонии. Роман «Три минуты молчания» был издан в том же году, и весь тираж его мгновенно «слетел с прилавков». Цензура не позволила изменить ни слова в журнальном варианте текста.

В 1976 году «невыездного» и не выезжавшего ранее в капиталистическое зарубежье Владимова пригласило на Франкфуртскую книжную ярмарку норвежское издательство «Gyldendal Norsk», в 1976 году выпустившее перевод «Верного Руслана»¹¹. Приглашение было направлено в иностранную комиссию Союза писателей. Откуда без ведома Владимова был послан «хамоватый ответ», что Владимов «занят, болен и желания участвовать в выставке не выражает». На следующий год «упорные варяги» повторили приглашение, послав его одновременно Владимову и в Союз писателей, который и приглашение, и обращения Владимова, чтобы его отпустили во Франкфурт, игнорировал. Это воспринималось как унижение: «...на шесть дней не могут из-под контроля выпустить!»

Между тем в Союзе писателей «шел погром»: исключили Лидию Чуковскую, Владимира Войновича, Льва Копелева, Владимира Корнилова. Всех их Владимов знал и глубоко уважал, и в нем созрело окончательное решение: «Я спрашивал себя: “А что же я-то там делаю?”».

10 октября 1977 года Владимов отправил письмо в президиум Союза писателей о добровольном выходе из организации, нарушившей за время своего существования все нормы профессиональной и человеческой этики. Оно кончалось словами: «Унылая серость с хорошо разработанным инструментом словоблудия, затопляющая ваши правления, секретариат, комиссии, лишена чувства истории, ей введома лишь жажда немедленного насыщения. А эта жажда — неутолима и неукротима.

Оставаясь на этой земле, я в то же время не желаю быть с вами. Уже не за себя одного, но за всех, вами исключенных, “оформленных” к уничтожению, к забвению, пусть не уполномочивавших меня, но, думаю, не ставших бы возражать, я исключаю вас — из своей жизни. Горстке прекрасных талантливых людей, чье пребывание в вашем

союзе кажется мне случайным и вынужденным, я приношу сегодня извинения за свой уход. Но завтра и они поймут, что колокол звонит по каждому из нас, и каждым этот звон заслужен: каждый был гонителем, когда изгоняли товарища, — пускай мы не наносили удара, но поддерживали вас — своими именами, авторитетом, своим молчаливым присутствием.

Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны, — давите, преследуйте, не пущайте. Но — без меня.

Билет № 1471 возвращаю.

Георгий Владимов

Москва, 10 октября 1977 г.» (4/149–152).

Письмо немедленно попало в самиздат и передавалось по несколько раз в день «вражескими голосами». Союз писателей «взбеленлся, как брошенная жена», и Владимирова срочно исключили как человека, «...вставшего на путь... нарушившего нормы... и чем-то там пренебрегшего...». К тому времени Смирнов уже скончался от рака, и исключение из Московского отделения Союза писателей СССР происходило под председательством Феликса Кузнецова. Члены правления не проявили большой фантазии и через два года после публикации «Верного Руслана» записали в протоколе № 14 постановления от 20 октября 1977 года: «За публикацию в антисоветском издании “Посев” книги “Верный Руслан”, глумящейся над советской действительностью, и клевету на Союз писателей СССР, содержащуюся в письме Г.Н. Владимирова от 10.X–77, которым он поставил себя вне рядов Союза писателей, — и с к л ю ч и т ь Владимирова Г.Н. из Союза писателей СССР».

23 ноября 1977 года на специальном заседании СП РСФСР под председательством Сергея Михалкова исключение было подтверждено: «Я не знаю, пели ли при этом действе Гимн Советского Союза», — комментировал исключенный¹².

Жизнь Владимирова в советской литературе закончилась. Но он давно осознал, что не укладывается в ее рамки, и, по его собственным словам, выход из Союза писателей был для него «освобождением». На «исключение» он особого внимания не обратил.

ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

«Когда я начал писать роман “Генерал и его армия”, я попросил, чтобы меня познакомили с генералом Григоренко. И мы очень быстро подружились. Он был диссидентом и находился под надзором и слежкой. Я тоже со своими выступлениями считался неблагонадежным, и, хотя мои встречи с Григоренко носили вначале

чисто литературно-исследовательский характер, для властей я “засветился” и скомпрометировал себя связью с инакомыслящим. Григоренко мне предложил вступить в их группу “Международной амнистии” и вместе работать: “Вы — человек по духу демократичный”».

В Советском Союзе группа «Международной амнистии» возникла в 1974 году. Инициаторами ее создания были «люди Вселенной», как сказал о них Георгий Николаевич, — ученые-физики Андрей Дмитриевич Сахаров, Валентин Федорович Турчин и Андрей Николаевич Твердохлебов¹³. Ее первым председателем был выбран физик-теоретик Валентин Турчин. Добровольный выход Владимова из Союза писателей совпал с отъездом в эмиграцию Турчина, первого председателя Московской группы. По его предложению, Владимов, уже ставший членом Московской группы, был выбран ее председателем. Об обстановке, в которой приходилось работать, Владимов рассказывал: «Нам в тоталитарной стране, где всякая независимая политическая деятельность рассматривалась как крамола, было особенно трудно. Почту перехватывали, дважды перетряхивали архив и конфисковали бумаги, один раз еще у Турчина, другой раз — у меня. Нужна была связь с Лондоном, им позвонить или оттуда из центра звонили. А у меня отключили телефон. Я был руководителем до самого отъезда, а когда уехал, группа как-то заглохла».

Хотя Московская группа при Владимове защищала чешских и польских диссидентов, используя свои связи на личном уровне, члены ее активно вступались за политических заключенных в СССР, распространяли запрещенную литературу и помогали авторам печататься за рубежом. Все это было связано с немалым риском. В интервью Льву Копелеву Владимов рассказывал: «К нам попала книга Мороза. У нас были знакомые, которые могли передать ее на Запад. Вручали мы ее, как сейчас помню, под большой слезкой. Была назначена встреча с иностранным журналистом, который приехал на своей машине. И как только мы ее передали, вдруг со всех сторон появилась милиция. Нас стали спрашивать, что мы тут делаем, хотя мы находились во дворе собственного дома. Спасла положение жена журналиста, быстренько спрятавшая эту рукопись под сиденье. И когда милиция начала внутрь заглядывать, там на поверхности ничего не было видно, а обыскивать иностранную машину они не решились. Так мы впервые приняли активное участие в самиздате»¹⁴.

Передавая мне этот эпизод, Георгий Николаевич с явным удовольствием вспомнил историю, опущенную в официальном интервью Льву Копелеву. По его словам, когда милиция окружила их в темном дворе и начала задавать вопросы, Наташе показалось, что один из милиционеров занес руку на Владимова (чего не было, «просто игра теней под фонарем»). Обученная цирковая

наездница с моментальными реакциями, маленькая Наташа, готовая за обожаемого мужа в огонь и воду, с пронзительным воплем: «Не смей на Жорика!» — совершив какое-то головокружительное движение в воздухе, вскочила на шею ошеломленному стражу порядка. Тот от неожиданности плюхнулся на землю, все в полной растерянности расступились. Наташа, виртуозно соскочив со своей жертвы, кокетливо поправила платочек на голове и с воинственным видом встала рядом с мужем. На этом официальная часть «операции» закончилась, милиционеры были «совершенно сбиты с панталыку».

Самым важным для Владимова в эти годы была дружба с Андреем Дмитриевичем Сахаровым.

«С Сахаровым я познакомился в 1972 году, когда звенели фанфары и шла подготовка к празднованию 50-летнего юбилея образования СССР. Он позвонил мне и пригласил приехать к нему домой. Мы приехали к нему к 8-ми вечера, и просидели до 4-х утра, никак не могли наговориться и расстаться. Потом мы встречались регулярно.

Я подписал его обращения по поводу отмены смертной казни и амнистии для политических заключенных. Нужно сказать, что до встречи с Сахаровым я не был противником смертной казни, считая, что в каких-то особых случаях применение ее оправдано. Андрей Дмитриевич хотел обратиться в Президиум Верховного Совета с призывом о полной отмене смертной казни и надеялся, что я к нему присоединюсь. По советским законам того времени смертная казнь предусматривалась 25 пунктами в 14 статьях — жутко кровожадный кодекс! Я говорил Сахарову: “Это бесполезно — бороться за отмену, они на полную отмену не пойдут. Давайте возьмем поближе к их логике. Скажем, что слишком много статей, попробуем добиться, чтобы было не 25 пунктов, а десять — это будет уже наша победа”. “Это будет изначальная сдача, поражение, — сказал он мне, — потому что это значит, что мы смертную казнь все-таки признаем”. “Но, Андрей Дмитриевич, — возражал я, — ведь бывают же случаи, когда нужно применить смертную казнь...” “Какие же это случаи?” — поинтересовался он. “Ну, например, Нюрнбергский процесс, — сказал я, — надо было этих негодяев повесить, взять хотя бы Геринга...”. “Не надо никого вешать, — убежденно возразил Андрей Дмитриевич, — мы ведь не просто отнимаем у человека жизнь, мы отнимаем у него возможность стать другим, осознать свои действия, вынести приговор самому себе. Эти злодеи умерли, не раскаявшись, подчиняясь праву победителя в войне, а не нравственному закону”. “Но ведь они другими бы не стали”, — хмуро сказал я. На что Сахаров ответил: “А вот это — мы не знаем, никогда не узнаем, и не нам с Вами это решать”. Этот разговор произвел на меня глубочайшее впечатление, и я, идя домой, думал, что у Сахарова

есть истинное правовое сознание, до которого я — выпускник юридического факультета советского университета — не дорос. Мне предстояло взять у Андрея Дмитриева много уроков».

Валерий Сойфер¹⁵ приводит еще один рассказ Владимова о первой встрече с Сахаровым, который я слышала и от Георгия Николаевича: «Первый раз мы пришли к А.Д. Сахарову. И вот сидим, слушаем, а говорит одна Люся. Андрей Дмитриевич сидит, мило улыбаясь и не вставляя практически ни слова в нашу беседу. И вдруг я вижу, что на стене над столом появился таракан. В какой-то момент заметил его и Андрей Дмитриевич. Ну что сделает любой человек, увидевший такого непрошеного зверя? Прихлопнет! Однако Андрей Дмитриевич поискал глазами на столе что-то ему нужное, увидел коробочку из-под лекарств, высыпал аккуратно лекарства в бумажечку, коробочку слегка приоткрыл, осторожно поднес ее снизу к таракану, ловким движением стряхнул таракана в коробочку и захлопнул ее. Видно было, что он доволен своими действиями. Затем он подошел к открытому окну и уже протянул руку, чтобы выбросить коробочку с жертвой, как вдруг втянул руку назад и спросил меня: “Георгий Николаевич, а как вы думаете, он не разобьется?” (Сахаровы жили на седьмом этаже высоченного дома.)

Я помялся и сказал, что не очень уверен, но вроде бы не должен. По правде, такая заботливость меня несколько удивила.

Тогда Сахаров подсел к столу и на каком-то обрывке бумаги карандашом что-то почирикал, какие-то формулы, после чего удовлетворительно заключил: “Нет, не разобьется”, — подошел к окну и аккуратно выпустил из руки коробочку с тараканом»¹⁶.

Передавая мне этот эпизод, Владимов сказал: *«Меня тогда пронзило, что у Сахарова иное, какое-то библейское восприятие бытия, лишённое сиюминутности. Это был великий учёный, который воспринимал жизнь на земле и человеческую жизнь, как часть вечности, в которую нельзя, неестественно вмешиваться петлей или пулей, так как они совершенно ничего не меняют, лишь увеличивая земные несчастья. Это меня убедило сильнее даже его доводов. Этот вечер произвел на меня глубочайшее впечатление. После того как я вышел из Союза писателей и стал председателем Московской группы “Международной амнистии”, наши встречи носили регулярный характер. У него был приемный день, который он старался выдержать, чтобы оставить себе время заниматься физикой. Поэтому мы и ездили по вторникам “на кухню к Сахарову”».*

Сахаров, очень ценивший прозу Владимова, рассказал ему, что они с Еленой Георгиевной сошлись при первой же встрече во мнении, что «Три минуты молчания» — их любимая и лучшая книга в литературе тех лет. Георгий Николаевич очень гордился этой оценкой.

В 1977 году в Москве было несколько терактов. Погибли семь человек, и 37 были ранены. В подготовке и проведении терактов были обвинены три армянских националиста, и после короткого закрытого суда в самом начале 1979-го обвиняемые были расстреляны. Сахаров пробовал добиться задержки приговора и пересмотра дела, приводя существенные аргументы. В письме Брежневу от 30 января 1979 года он высказывал серьезные опасения, что могла произойти судебная ошибка или имела место умышленная фальсификация. В ответ КГБ организовало хулиганскую кампанию физической травли Сахарова, с нападениями и подбрасыванием угрожающих писем ему и Елене Боннэр. Владимов поехал посоветоваться с Лидией Чуковской, и они пришли к выводу, что нужно возложить на самый высший эшелон власти ответственность за происходящее. Результатом было написанное ими письмо:

Депутатам Верховного Совета СССР

Ю.В. Андропову

Н.И. Щелокову

Жизнь академика А.Д. Сахарова в опасности. Ему ежедневно угрожают расправой, в письмах и по телефону; в его квартиру врываются люди, называющие себя родственниками погибших в московском метро.

Вам отлично известно, что академик Сахаров никогда не защищал убийц, а только ходатайствовал о гласности и справедливости суда.

Вы, государственные деятели, поставленные охранять общественный порядок и безопасность граждан, вы несете личную ответственность перед народом нашей страны, перед всем миром за жизнь академика Сахарова.

24 февраля 1979 г.

Георгий Владимов, священник Сергей Желудков, Владимир Корнилов, Лев Копелев, Лидия Чуковская, Раиса Лерт, Владимир Войнович¹⁷

Когда в июле 1978 года проходил третий процесс над литератором, издателем и правозащитником Александром Гинзбургом, Владимовы, Сахаров и Боннэр на владимовском «Запорожце» вместе ездили в Калугу на процесс. Калуга, родина основателя космонавтики Циолковского, была «закрытым городом», куда иностранцы не допускались, а следовательно, присутствие иностранной прессы на процессе было исключено. Поэтому московские и питерские правозащитники решили, что возможно большее их число должно присутствовать в Калуге во время процесса, чтобы выразить свою

солидарность Гинзбургу и продемонстрировать сопротивление режиму.

«Выехали мы рано утром на моей машине, Андрей Дмитриевич, Елена Георгиевна и мы с Наташей. В дороге неожиданно сорвалась с одной петли дверь моего “Запорожца”. Сахаров сразу ухватил дверь и держал ее всю дорогу, не переставая спокойно беседовать. Иногда он начинал дремать, по-прежнему держа дверь в руках и прислонясь к ней головой. И я за его прекрасную, драгоценную голову очень волновался и старался ехать тише и как можно осторожнее. В Калуге ни нас, ни других приехавших на процесс ни в одну гостиницу не пустили. Спали кто в машинах, иногда по три-четыре человека, кто — у знакомых вповалку, по нескольку человек в комнате на полу. Я потом написал скетч “Лик моего народа?” — зарисовка своих впечатлений».

Невероятная пошлость, ненависть, источавшаяся «ржущей», оскорбляющей толпой во время столкновений правозащитников и представителей КГБ, переданы в скетче Владимова образами, как будто сошедшими с гротескных брейгелевских полотен: «Вот эти гогочущие, глумливые, неподдельной злобой исковерканные лица — это он и есть, лик моего народа?» (4/154). Из уст Владимова с его врожденным чувством глубокого уважения к каждому человеку и к своему народу эти слова звучат совершенно беспрецедентно. Но после окончания процесса пришло осознание служивой обязанности этих людей устраивать чудовищную вакханалию. Сталкиваясь с ними на автозаправке или в магазине, он разглядел их любопытство и интерес к себе, и усталость от собственной «натасканности, адрессированности». Эта поездка сблизила его с Сахаровыми еще больше.

«Мы активно общались вплоть до его ареста и ссылки. Потом весь контакт шел через Елену Георгиевну Боннэр. Так получилось, что я узнал и предупредил его об аресте, хотя должного внимания они на мое предупреждение не обратили.

Дело было в 1980 году. Мы сидели у них до 12 ночи, а когда вернулись домой, нас поджидал мой сосед, Леонид Седов, социолог, автор интересных статей. В его институте работала женщина, муж которой был майором КГБ. Она и сказала ему, что есть решение об аресте Сахарова, который будет лишен всех своих наград и званий и отправлен в ссылку в город, куда иностранцам нет доступа, чтобы лишить его контактов с иностранными корреспондентами. Как рассказывал Седов со слов своей коллеги, это даже не инициатива КГБ. Таких мер требовали военные, готовившиеся к вторжению в Афганистан. Как бывает в таких случаях, когда составляется план вторжения, армия ставит определенные условия правительству. Одним из них было удаление Сахарова из Москвы, так как можно было ожидать от него

открытой критики этой интервенции. И я вспомнил, как, выходя из дома Сахарова, мы обратили внимание на двух топтунов неподалеку, хотя была холодная, морозная январская ночь.

Я собрался немедленно ехать к Сахарову, но было уже за час ночи, и я решил, что позвоню — терять нечего. Трубку снял сам Сахаров, но я подумал, что он человек немножко не от мира сего, лучше сказать Боннэр, она боевичка, деятельная и предприимчивая. Я попросил Елену Георгиевну и объяснил ей, что получил надежные сведения. Она это как-то приняла скептически: “Ну, что же ты, Жора, сидел, сидел у нас...”. Я ей объяснил, что только что сам узнал. Она не прислушалась: “Мы уже сотни раз слышали, что он будет арестован и лишен всего. А меня лишат звания инвалида Отечественной войны...”. Я пробовал ее убедить: “Елена Георгиевна, это серьезно. По-моему, нужно завтра же с утра собрать пресс-конференцию с иностранными журналистами. Это может Андрея Дмитриевича на какое-то время защитить”. Она спросила, как я узнал ночью. Я не мог подвести ни соседа, ни этого майора и его жену, но сказал, что источник серьезный и надежный. Она не хотела верить, хотя сам Сахаров отнесся к этой информации внимательно: “Если Жора вдруг так звонит посреди ночи, наверное, он что-то важное узнал...” В своих мемуарах он говорит, что пресс-конференция его бы не спасла. И мой авантюрный план — уехать куда-то и переждать — тоже.

А на следующий день так и получилось, как мне сказали: арестовали, лишили всех званий и сослали в Горький¹⁸. Больше я Андрея Дмитриевича не видел, но след в моей жизни и душе он оставил глубочайший».

Владимов немедленно бросился к Лидии Корнеевне Чуковской, уже сочинившей письмо в поддержку, под которым в течение нескольких часов было собрано 17 подписей.

...Это имя — Андрей Сахаров — стало синонимом благородства, героизма, человечности.

Прославленный ученый, мыслитель, гражданин мира, он воплотил в себе лучшие черты русского национального духа — доброту, готовность к самоотверженности, отзывчивость к страданию, нетерпимость ко лжи и произволу. Униженные и оскорбленные всегда находили у него отклик и помощь. Где бы на нашей планете ни творилось насилие, Сахаров неизменно против гонителей, он всегда на стороне гонимого...

Кому нужны преследования первого русского лауреата Нобелевской премии мира, человека, который в глазах сотен миллионов людей всех континентов поднял и утверждает славу нашей Родины, олицетворяет ее честь и достоинство?

Только тем, кто хотел бы возвращения мрачных времен сталинщины.

Одумаемся! Если сегодня можно преследовать Андрея Сахарова, завтра всему народу придется круто.

Василий Аксенов, Сара Бабеньшева, Борис Биргер, Инна Варламова, Георгий Владимов, Владимир Войнович, Евгений Гнедин, о. Сергей Желудков, Лев Копелев, Владимир Корнилов, Раиса Лерт, Раиса Орлова, Г. Померанц, Ф. Светов, Алексей Семенов, Ф. Ясиновская-Литвинова, Лидия Чуковская.

28 января 1980¹⁹

В 1981 году, отзываясь на 60-летний юбилей Сахарова, Владимов писал: «...Андрей Сахаров — несомненная и наибольшая удача демократического движения, воплощение его совести, оправдание всех его ошибок и поражений. В своей прекрасной зрелости он — звезда первой величины на небосклоне нашей общественной жизни...

Мне посчастливилось знать его почти уже десять лет — крупнее и человечнее я не встретил...»²⁰

Далее Георгий Николаевич рассказывал: «Я продолжал руководить Московской группой Международной амнистии. Нужно сказать, что мы не были в изоляции — времена все-таки были другие. Белла Ахмадулина была нам очень верна, нас навещали Андрей Битов, Лев Аннинский, Семен Липкин, Инна Лиснянская. Мы общались и с другими людьми, бывали в мастерской Бориса Мессерера, на дачу к друзьям ездили. Когда праздновали мое 50-летие, за столом сидели 25 человек. Художник Борис Биргер часто приходил, и Рой Медведев нам очень помогал и давал дельные советы».

Стало ясно, что после смерти Брежнева ничего к лучшему не изменилось, обстановка ухудшается, и КГБ решительно взялось за Владимовых. Более всего Георгий Николаевич опасался за жену.

«Наташа никогда не была официальным членом Амнистии, но принимала в нашей работе в Москве самое активное участие. Она сразу сказала, что готова исполнять разные поручения, но ни в какую группу вступать не хочет. В ней было настоящее бесстрашие, я редко в жизни такое встречал. Может быть, увидев повесившегося отца, она уже самое страшное в жизни видела и больше ничего не боялась. Она была нашим курьером, передавая “Хронику текущих событий” и другие материалы иностранным корреспондентам. Она очень ловко это проделывала, встречаясь с ними обычно на почтамте. Иногда она подписывала наши письма или призывы. Она занималась опасной работой, за распространение

и участие в “Хронике текущих событий” могли посадить, но она шла на это сознательно.

Ее вызвали на допрос по делам Бородина²¹ и Крахмальниковой²², якобы как свидетельницу. Но это был лишь предлог: “Подумайте о вашем нынешнем поведении!” — с угрозой говорили ей. И так потечески корили, что она “плохо смотрит за мужем” и не ограждает меня от “дурных влияний”. Намекали ей, что, если Владимов будет продолжать свою антигосударственную деятельность, “мы и про ваши вылазки можем вспомнить”. У них были, конечно, сведения или догадки о ее встречах с иностранными корреспондентами.

Но однажды она сделала серьезную ошибку, поставив себя под удар. У нас сидели два человека, фамилии их были, кажется, Кулакин и Денисов, имен их я не помню. Они хотели — ни больше ни меньше — издавать новый правозащитный журнал. Наташа зашла ко мне в комнату и, открыв шкафчик, где у нас лежали “Посевы”, предложила им почитать последние номера.

Кулакина вскоре арестовали, и он сразу раскололся. Сказал, что ходил ко мне, и Наташа дала ему два номера “Посева”. И что он был у нас не один, а с Денисовым. Тут Денисова тоже прихватили. А тот решил поважничать, и сказал, что ему дал журналы сам Владимов. Возникло расхождение в показаниях, и это Наташу спасло. На допросах мы оба сказали, что ничего не знаем и никому журналов не давали.

Но Наташа ходила по острию ножа. КГБ чем ей только не грозило: и арестом, и тем, что меня убьют, и письма были, и звонки, и слежка — я обо всем этом написал в рассказе “Не обращайтесь вниманья, маэстро”».

«НЕ ОБРАЩАЙТЕ ВНИМАНЬЯ, МАЭСТРО»

Рассказ «Не обращайтесь вниманья, маэстро» был написан в 1982 году и посвящен Генриху Бёллю. Текст впервые прозвучал по радио «Свобода» и был опубликован в журнале «Грани» в том же году²³.

Повествование возникло из вполне реальной жизненной ситуации: на Малой Филевской, где жили Владимовы, стояло пять хрущевок, домов-пятиэтажек. Георгий Николаевич обратил внимание, что на окнах одной из квартир напротив появились новые занавески, которые никогда не раздвигаются, хотя «за занавесочками происходит мелькание рук». Он решил узнать, что же там происходит, и вышел во двор. Возле дома его с энтузиазмом приветствовали опохмелявшиеся алкоголики: «Они только одни мне

и радовались, поднятыми кулаками и бутылками выражая солидарность и громко хрюпя: «Молодец, мужик! Руби этим козлам по рогам!»». Поздоровавшись с ними, Владимов подошел к «бабушкам на лавочке», которые охотно поведали ему, что в той квартире поселились «странные люди»: «Почты не получают, бутылки не сдают...» — недоумевали хроникерши. «Наблюдают», — сообразил Владимов, и в уме его стал рождаться сюжет. Он вспомнил историю, услышанную от своего соседа Александра Пятигорского. В доме, рядом с тем, в котором жили родители Пятигорского, располагалась «малина» — банда уголовников. Бригада из МУРа, чтобы следить за ними, обосновалась в квартире престарелых родителей Пятигорского. При этом с хозяевами милиционеры вели себя по-хамски, так что интеллигентный «папа-Пятигорский» решил, что они не могут быть представителями власти, а являются другой бандой уголовников. Поэтому, исполняя свой гражданский долг, он сообщил о «преступниках» в соседнее отделение милиции. «Брать бандитов» явился вооруженный отряд, чуть не перестрелявший ошеломленных и не ожидавших нападения коллег.

Владимов решил перевести эту историю в политический ракурс: никаких уголовников, а просто «сидит себе писатель и стучит по клавишам, меняя в пишущей машинке страницу за страницей», а из окон соседнего дома за его «подрывной деятельностью» следят бездельники, называющие свое времяпрепровождение «охраной государственной безопасности Советского Союза». Георгий Николаевич провоцировал их и держал окно открытым, не задергивая занавесок. Когда к Владимовым приходили гости, Наташа широким жестом распахивала шторы, демонстрируя свое презрение к соглядатаям²⁴.

Рассказ был написан за две недели. Позднее диссиденты передавали Владимову, узнав своими путями, что его текст обсуждался на коллегии комитета госбезопасности: смотрите, мол, товарищи, мы все еще непопулярны и с милицией у нас отношения, в самом деле, не налаженные: «Конечно, Владимов — фигура одиозная, диссидент, правозащитник, словом, отщепенец, но прислушаться и сделать выводы не мешает».

Вначале власти решили применить к Владимову статью о тунеядстве, по которой в 1964 году был осужден Иосиф Бродский. Милиции были даны соответствующие указания. Но, по словам Владимова, милиционеры, которые по приказу КГБ регулярно ходили к ним в квартиру и требовали отчета о средствах проживания, были настроены очень дружелюбно. Они терпеть не могли сотрудников КГБ, считая тех паразитирующими бездельниками. Поэтому охотно объяснили Владимову, что ему нужно регулярно предъявлять сведения о прожиточном минимуме — 66 рублей в месяц. Этого будет для милиции достаточно, чтобы оставить его в покое и самим

избежать неприятностей. Участковые явно не хотели осложнений с известным писателем и диссидентом для пользы КГБ. Предъявлять справки о наличии этой суммы было несложно. Фильм «Большая руда» регулярно показывался по провинциальным телеканалам, поступали гонорары за книги. Жили Владимовы скромно, одним хозяйством с матерью Наташи, Еленой Юльевной. Они всегда обедали и часто ужинали втроем в ее квартире. В рассказе «Не обращайтесь вниманья, маэстро» районный участковый дядя Жора, реальный персонаж, говорит об этом очень трезво: «Тунеядец-то он тунеядец, — сказал дядя Жора с досадой, разглядывая носок сапога, — да у него книжки печатаются — в Америке, в Англии, в Швеции и хрен знает еще где. Кроме как у нас. Сигналы на него поступают, а как на них реагировать? Его, понимаешь, дипломаты приглашают, не очень-то подступишься» (1/206).

Напротив дома, где жили Владимовы, был очень приличный магазин, куда Наташа ходила за продуктами — в том же районе проживали работники ЦК, поэтому там часто появлялись продукты получше, чем в обычных гастрономах. Представители госбезопасности посетили магазин, строго допрашивая продавщиц, какое количество спиртного покупают Владимовы, что они предпочитают, водку или коньяк, какими купюрами платят.

«Продавщицы встали на защиту клиентов всеми своими пышными бюстами: мол, платят все больше копейками и мелочью, а большими купюрами никогда, спиртное покупают только по революционным праздникам, а так — разве бутылочку сухого в день рождения. Они не знали, кто именно нами интересуется и почему, но, видимо, решили, что раз власти интересуются, значит, мы свои люди — шахер-махеры».

В результате продавщицы прониклись к Владимовым «цеховой симпатией и норовили подсунуть Наташе кусочки получше и поделикатнее». Но ситуация была далеко не безобидной.

«На Наташу дважды совершались “покушения”. Один раз — самими гебистами, просто припугнуть. Но другой раз подпустили уголовников, чтобы ее серьезно избili. Ее случайно спасли проходившие мимо милиционеры. Я им был очень благодарен, мы с ними подружился, и я использовал их имена в рассказе “Не обращайтесь вниманья, маэстро”. ...Там тексты из жизни, они не только за мной и Наташей следили. Лидию Чуковскую очень “опекали”, и всем давали прозвища, которые явно считали очень остроумными».

Один из звонков, о котором Лидия Корнеевна Чуковская рассказала Владимову, он включил в текст рассказа «Не обращайтесь вниманья, маэстро»: «Дочкин просил “Железную леди” побеспокоить...

— Але, можно Лидию Корнеевну? ...Ваш почитатель звонит. Обижаетесь на нас, что мы вам конверты перепутали? Но письмо-то — дошло. Не ошибается тот, кто ничего не делает... Как же так — не делать? Ничего не делать мы не можем. Мы же вам жить не мешаем. Воздухом дышите? Дачку еще пока не отобрали?» (1/203).

Владимов просил Наташу, у которой была великолепная память, сразу записывать тексты всех звонков в их дом. Один из дословных примеров устного творчества стражей государственной безопасности также воспроизведен в рассказе: «Але, можно Наталию Евгеньевну?.. Кто говорит? Академик Сахаров говорит. Ну, кто ж тебе, Натуля, еще звонить может? Большому кораблю — большое плавание... Чего звоню? Удивлен я, Натуля, безобразным поведением твоего сожителя... А надолго ли он тебе — муж? Я так думаю — ненадолго. Ты уже могла убедиться на примере некоторых твоих друзей, что за подобные штучки, что он вытворяет, судьба наказывает очень жестоко. Смотри, не образумишь своего красавца — будем вместе скорбеть о преждевременной потере кормильца... Але, куда ты там делась? Телефон, небось, бегала замерять? Давай замеряй. Делать тебе не хрена, Натуля, лучше бы рубашки мужу погладила, а то в мятой ходит, нехорошо, Натуля» (1/204).

Совершавший звонки в рассказе Коля, довольный произведенным эффектом, объясняет: «Выматываюсь потому, что всю душу вкладываю» (1/204) — свидетельство того, что Владимов думал о глубине и богатстве души чекиста.

Рассказ «Не оставляйте вниманья, маэстро» — одно из самых ярких описаний состояния общества и клана КГБ в литературе того времени.

Общество в рассказе представлено писателем и его соседями-читателями, обитающими как будто на двух полюсах. Читатели в недалеком прошлом впитывали каждое слово кумира: «...этот наш туняец был некогда в большой моде, его печатали в «Новом мире», и по его сценариям снимали фильмы, и вот в этой самой квартирке пел громоподобно, услаждая весь двор, покойный теперь артист Урбанский. И тогдашняя восходящая звезда Л.Л. привозила дорогого автора со съемок на своей машине, и оба наших дома наблюдали, как она ему на прощанье протягивает цветы» (1/206).

Но отношение к авторам, вошедшим в литературу в период хрущевской оттепели как представители «молодой прозы», после конца оттепели изменилось: «Тогда была кампания любви к молодым, любили целое поколение, которое почему-то называлось “четвертым”, и он входил в эту плеяду, “надежду молодой литературы”, считался в ней “одним из виднейших”. Потом у всей плеяды что-то не заладилось с их новыми книгами, не так у них стало получаться, как от них ждали, к тому же они имели глупость “нехорошо выступать” и что-то не то подписывать и до того довыступались и доподписывались, что их

стали выкорчевывать всем поколением сразу... Да, все почему-то не получается у нас — оправдать надежды Родины!» (1/206–207)

Теперь любители литературы «воротят носы, стараясь не попадаться ему на глаза» (1/206). В то же время только у него можно попросить защиты в бесправной стране: «Единственный персонаж осмеливается говорить о его статусе во всеуслышание — наша районная шизофреничка Верочка. Когда, раз в полгода, ей приходит пора ложиться в больницу, а врачи почему-то не кладут, она кричит на весь двор, подпрыгивая упруго на двух ногах, как воробей: “А я на их писателю пожалуюсь на пятом этаже! Он за mine по ‘Голосу Америки’ заступится!”» (1/207).

Источник апелляций «Верочки» — записанная Валерием Сойфером история, которую Владимов любил вспоминать. Соседка, простая женщина, просила у него защиты от начальства: «Георгий Николаевич! Передайте по “Голосу Америки” обо мне, а то ведь они не прекратят на меня наезжать. Я им сказала, что вам пожалуюсь, а уж вы их под орех разделаете. Только на вас и надежда»²⁵. Сам писатель-диссидент вынужден держаться особняком: «...не может же он не чувствовать на себе десятки взглядов — любопытствующих, осуждающих, а то даже испепеляющих, — ведь отчего-то он каменеет лицом, проходя сквозь эти взгляды, старается пройти быстрее» (1/205). Но он продолжает заниматься делами, составляющими главное содержание его жизни, работая со словом на бумаге, а в жизни — борясь за достоинство и свободу своего потерявшего нравственные ориентиры народа.

Разрыв между полюсами символично обрисован в печальной истории с «елочками», происшедшей в действительности. После многих лет бездомности и бесприютности, поселившись в двухкомнатной кооперативной квартире среди безрадостного ландшафта хрущевки, Владимов ощутил в себе гены своего деда — «фея»-мичуринца. Он решил озеленить окрестные дворы и отнесся к задаче с полной ответственностью. Почитав литературу и посоветовавшись, Георгий Николаевич пришел к заключению, что лучше всего приживутся елочки: «*Лиственные деревья более деликатные, сосны капризные, а елочки везде растут*». Каждую неделю он ездил на своем «Запорожце» в лесное хозяйство под Москвой, привозил по две-три молодые елочки, завернув их корни вместе с землей в специальную рогожку, и планомерно сажал их. Соседи посмеивались и предрекали катастрофу, дети радовались, собирались кружком и активно помогали, загребая ладошками землю и бросая в ямки. «*Растут, растут!*» — радостно кричали они Владимову, когда он появлялся во дворе. 72 елочки, которые он посадил, прижились, пошли в рост, но радость от них была недолгой: «...и вот тут-то мы показали этому психу, что он не зря потрудился для общества. Перед каждым Новым годом по ночам визжали ножовки...

Скоро от всех семидесяти остались одни колья, с полуосыпавшимися боковыми ветвями, смотреть противно и горестно... Как же было не понять еще тогда, что мы больная страна, больная неизлечимо» (1/220).

Соприкасаясь, но не сливаясь с окружающим миром, будто в отдельном маленьком микрокосмосе, живет семья еврейских интеллигентов, в квартире которых поселяются сотрудники КГБ. Отец — бывший инженер, пенсионер с больным сердцем, — собирает и чинит часы, беспрерывно звонящие и тикающие, как отзвук древней иудейской истории. Сын — обожаемый поздний ребенок, пишущий диссертацию на замысловатую и недоступную обычному уму тему — «Опыт анализа онтологических основ древнетамильского эпоса сравнительно с изустными произведениями на пракритах». Такие «темочки» (1/208), лишённые идеологического содержания, были способом выживания советской интеллигенции. Надежда Яковлевна Мандельштам в 1956 году под руководством Виктора Жирмунского защитила диссертацию на тему «Функции винительного падежа по материалам англо-саксонских поэтических памятников». Даже эксперты КГБ не могли найти в таких темах крамолы — или не очень старались. Глава еврейской семьи — Анна Рувимовна, женщина с прекрасным иконописным лицом и острым умом, бесстрашная и не скрывающая своего презрения к «профессии» новых жильцов: «Я потратила свою молодость на субботники и воскресники, увлекалась поэзией бесплатного труда, но, оказывается, есть такое бесплатное удовольствие — не считая, конечно, стоимости бинокля, — заглядывать в чужие квартиры, в чужие окна... я не знаю, в замочные скважины. Я чувствую, как я от этого молодею!» (1/213).

Но мужчинам страшно: «Ты мой сын, — сказал папа, — поэтому ты боишься. И поэтому говоришь об этом честно» (1/281).

Вторгнувшись в этот замкнутый мирок, команда КГБ проводит дни, занимаясь полной чепухой: следит за писателем, отпуская при этом едкие, а иногда завистливые замечания об одежде и подарках, привозимых гостями, терроризирует людей по телефону и разводит любовные шашни в чужой квартире. За эту полезную деятельность они получают от государства привилегии, нормальным труженикам недоступные.

Характеристика прислужников режима в рассказе совершенно прозрачна. Во-первых, простая корысть — доступ к распределителям: «С двенадцати до двух они по очереди удалялись обедать — наверно, в хорошее место, поскольку успевали там же и отовариться; по приходе он сообщал ей: “В заказах икра сегодня красненькая, четыре банки взял...” Или она ему: “Сегодня ветчина югославская, ты б тоже взял, твоя Нина мне спасибо скажет”» (1/203).

Во-вторых, откровенный цинизм и бездумность: «Вы не думаете, Константин Дмитриевич, что, когда ваши дети вырастут, — наверно,

есть они у вас? — они прочтут его книги и спросят вас: что было опасного, если просто сидел человек и поскрипывал себе перышком?..

Коля-Моцарт, усмехаясь куда-то в пол, помотал головой, вздохнул. Вздох, по крайней мере, был человеческий:

— Эх, Анна Рувимовна!.. Это они сейчас спрашивают. А когда вырастут — спрашивать перестанут... Да может, это самое опасное и есть — сидит человек и что-то скребет перышком. А мы не знаем — что» (1/234).

В-третьих, удивительное свойство всемогущих служителей советского монолита — истерия: «Да они тебе повеситься предлагают! — кричала дама. — А сало — русское едят!..

Следом мы и впрямь услышали рыдания — во что-то мягкое. Похоже, она орошала слезами мой диванчик.

— Может быть, ей что-нибудь нужно успокоительное? — спросила мама отчасти с жалостью, отчасти брезгливо.

Коля, не отвечая, закрыл дверь...» (1/233).

Сама техник-лейтенант КГБ Сизова предпочитала, как известно, сало югославское.

И наконец, в-четвертых, умственная зашоренность, которую Владимов воспроизвел в тексте дословной цитатой из его собственной «беседы» с обыскивавшим его квартиру капитаном КГБ Капаевым: «Он стоял перед полкой, заложив руку за борт пиджака, задрал голову, отставив ногу, вылитый “маленький капрал”, которому ужасно хочется в Бонапарты.

— И вообще, я вам скажу, некоторые этапы нашей истории пора бы уже забыть. Они нас только сбивают, а ничего не дают для понимания.

— Да-а? Это интересно. Какие же этапы?

— Вы сами знаете какие» (1/198).

Это временщики, для которых есть кормящая их сиюминутность, но нет осмысления настоящего и истории своей страны, нет — России. Именно поэтому Анна Рувимовна говорит, что их нужно лишить национальности. На ее разумный вопрос: «Зачем все это?», Коля-Моцарт отвечает: «Идеология», — потому что в отсутствие смысла он должен повесить какую-то вывеску на свою непристойную, но выгодную профессию.

Коля-Моцарт — тусклое и искаженное отражение «маэстро», стучащего на своей пишущей машинке. И писатель, и соглядатай любят прелестного, всечеловечного Окуджаву. И даже техник Сизова, при всей своей пошлости, понятна, когда говорит о том, что Высоцкий ее «трогает сексуально»: нутряная, природная мощь барда сделала его народным сокровищем. Есть общее поле, где и гонители, и гонимые сходятся. И в другую эпоху в другой стране они могли бы мирно сосуществовать, нормально и честно работая и не нанося друг другу вреда.

Игорь Золотусский писал об аспекте комического гротеска в рассказе: «...слежка в этом рассказе поднята до уровня игры, что, с одной стороны, усиливает поэтический эффект, с другой — страшное делает нестрашным, грозное смешным. Это шутовская поэзия сыска, антидетектив, клоунада подслушивания и подглядывания, заканчивающаяся комической дракой, достойной арены цирка. Вместо благородной сатиры Владимов создал комикс, разыграл водевиль, напялив на своих преследователей дурацкий колпак»²⁶.

Но этот рассказ, как отмечал Лев Копелев²⁷, драматичнее комикса, элементы которого, несомненно, присутствуют. И Коля-Константин, и «дама»-техник Галина Сизова, и невидимые топтуны «Валеры», следящие во дворе за передвижениями писателя и его гостей, — куклы, которыми управляет незримый страшила-кукловод в странном, бессмысленном и жутковатом спектакле «Идеология». Действие его происходит не в прекрасном и трагическом *theatrum mundi*, но в ином, искусственном и отталкивающем советском театре бесчестия.

На таких людях, как Коля-Моцарт и гэбистская «дама», держалась система, которая, чуть пошатнувшись, рухнула бескровно и с необычайной быстротой. В 1981 году над ней можно было смеяться — чем и занималась, сочиняя анекдоты, советская интеллигенция. Ее можно было бояться — она карала психушками и тюрьмами. С ней можно было самоотверженно бороться, как делали диссиденты. Но она еще работала, всеми своими хулиганскими методами, выживая Владимова из страны.

ЭМИГРАЦИЯ

Отчий Дом,

доме том

Как же странно мне было, мой

*Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в*

Я не сыном был, а жильцом...

Александр

Галич

Ровно в восемь часов утра 5 февраля 1982 года в дверь Владимовых позвонили. Владимовы вставали рано, и Наташа уже спустилась на

утренний кофе к матери. Сотрудники КГБ пришли в обе квартиры одновременно. У Елены Юльевны немедленно отключили телефон и начали обыск, а Наташу сразу увезли на допрос в Лефортово, любезно пообещав: *«Мы предупредим мужа, чтобы не волновался»*. Елена Юльевна успела набросить на нее свою шубку.

Капитан КГБ Капаев предъявил Георгию Николаевичу ордер на обыск. Официальным предлогом для обыска было дело молодого прозаика Евгения Козловского, обвиненного по статье 190.1 Уголовного кодекса РСФСР — *«Заведомо ложные измышления, порочащие советский общественный и государственный строй»*. Козловский был арестован 7 декабря 1981 года. Основанием была публикация его сатирического произведения *«Диссидент и чиновница»* в журнале *«Континент»*, где готовилась к публикации его же повесть *«Красная площадь»*²⁸. По Москве прокатилась волна обысков, и многих людей *«по делу Козловского»* вызывали на допросы. В 1991 году Владимов очень резко и саркастично писал о Козловском²⁹, обвиняя его в своей вынужденной эмиграции: *«...при том обыске, из-за Козловского, и добыли у меня гэбисты доказательства моей “антисоветской деятельности”, после чего могли на выбор мне предложить — Запад или Восток — и представить к лишению гражданства»*³⁰. Но позднее Георгий Николаевич сказал мне о Козловском: *«Может быть, он и не был провокатором. Он, скорее всего, был слабый человек и очень испугался. Или кто знает, что они делали — применяли какие-то средства, заставляющие таких людей говорить. Без опасений для КГБ, что их подопечный потом решится об этом рассказывать»*.

При обыске в 1981-м Капаев сообщил Владимову, что арестованный Козловский якобы рассказал следствию, что отдал Георгию Николаевичу рукопись своей книги *«Красная площадь»* для передачи на Запад³¹. На что Георгий Николаевич ответил лаконично: рукопись по просьбе Козловского читал — часто молодые писатели просят высказать свое мнение об их прозе, книга ему не понравилась, и к отправке ее на Запад он отношения не имел. Капаев угрожал писателю и вел себя по-хамски, как будто арест был делом решенным и неминуемым.

Наташа в Лефортово категорически отрицала все: Козловского не знаю, дома не принимала, *«Красную площадь»* в глаза не видела, ничего никуда не передавала. После семи с половиной часов бессмысленного допроса ее отпустили домой. Для Владимова время ее отсутствия было необычайно мучительным: Капаев намекал, что Наташа арестована и не вернется с допроса.

В то время в квартирах Владимовых и Елены Домбровской шел ремонт, которым занимался Валерий Сойфер, ученый-генетик, потерявший работу и подрабатывавший ремонтами квартир. Покрасив стены у Владимовых, он приступил к работе в квартире

Елены Юльевны и оказался близким свидетелем этого эпизода жизни писателя. Сойфер работал над книгой об истории генетики в СССР³² и давал машинописные главы на прочтение заинтересованному Георгию Николаевичу. Некоторые из них лежали на столе, когда в квартиру явилась команда КГБ. На вопрос следователя Владимов ответил, что это главы из рукописи «Управляемая наука» Марка Поповского (уже уехавшего на Запад). Во время этого обыска сотрудники КГБ даже не подходили к столу, за которым Владимов писал и в котором он хранил литературные заметки и рукописи. Сойфер вспоминает слова Владимова, сказанные им после этого обыска: «Но даже если бы они все унесли, я бы восстановил свои вещи целиком. Константин Георгиевич Паустовский говорил, что он помнит все написанное им дословно, до каждой запятой. Вот так и я. Я долго хожу и шепчу слова будущих фраз вслух, так что Ташенька (его жена. — В.С.) меня иногда даже ругает за это. Но благодаря такому методу я сначала проговариваю, и не раз, вслух все тексты, привыкаю к ним, а потом уже все кладется само собой на бумагу. Если написанный текст уничтожат или конфискуют, я все равно восстановлю его точно таким же, каким он был в оригинале»³³.

Сойфер был последующие дни главным собеседником Владимова, пережитое напряжение которого проявлялось в необычной для него разговорчивости.

«Один из “шмональщик” наткнулся на два тома “Архипелага” Солженицына. Подняв глаза к Владимову, он заявил:

— Вот читаешь “Три минуты молчания” и веришь. Читаешь Солженицына — и не веришь!

На что Георгий Николаевич ответил:

— Вот видите, как тяжело быть писателем.

Наступило минутное замешательство, после чего “читающий шмональщик” переспросил:

— А что-то не совсем понял. К чему это вы?

— А представьте себе писателя, которого его же читатели и шмонают! — ответил Владимов»³⁴.

В результате обыска были изъяты записные книжки и материалы, связанные с его деятельностью в «Международной амнистии»³⁵. За первым обыском последовал второй: «28 декабря 1982 года у меня опять был обыск. Это была пятница — типичный день для подобной деятельности КГБ. Они забрали адреса и карточки иностранных корреспондентов. Об обыске объявлять иностранным корреспондентам нужно сразу, а в пятницу они на выходные разъезжаются. Ну, а понедельник — для газет это уже не новость. После обыска я позвонил Рою Медведеву, и сразу через полчаса стали съезжаться в основном американцы, но был и немец, и англичанин. Они брали у меня интервью и сразу сообщали в свои агентства и печатные органы».

В письме ФСБ генерал-полковнику Н. Ковалеву Владимов обрисовал обстановку, в которой они жили: «В бытность мою правозащитником, председателем Московской группы “Международной амнистии”, мне был оказан немалый набор “услуг”: наружное наблюдение, перлюстрация писем и пропажа их, прослушивание телефона и обрывы разговора, телефонные и письменные угрозы убить меня; в конце концов телефон отключили и номер передали людям, которые на вопросы обо мне отвечали, что я эмигрировал или — что умер. В моей квартире и в гараже проводились негласные обыски, что мы легко обнаруживали по своим приметам... Людей из моего окружения вербовали в стукачи, в чем одни признались, а других мы разоблачили, будучи в этом достаточно опытными. При обыске 28 декабря 1982 года изъяли орудия труда — пишущие машинки с русским и латинским шрифтами» (24.07.1996, FSO).

Третий обыск прошел 5 февраля 1983 года. У Владимова изъяли всю переписку с «Посевом», считавшуюся криминалом: «“Посев” — это НТС, а НТС — антисоветская организация. И стало ясно, что КГБ готовит какое-то дело. А тут я еще выступил летом 1982 года с рассказом “Не обращайтесь вниманья, маэстро”. Они после этой ответной зуботычины просто остервенели и совсем обнаглели».

Наташа во время этого обыска совершенно потеряла самообладание, кричала и ругала обыскивающих так, что те растерялись: арестовывать ее приказа не было, обуздать было невозможно. Владимов не вмешивался. После этого обыска *«потащили меня на допросы по поводу Бородина и Крахмальниковой»*.

Леонид Бородин до ареста бывал у Владимовых, и его судьба очень волновала Георгия Николаевича. Он не считал Бородина большим писателем и совершенно отстранялся от некоторых аспектов его христианско-националистического мировоззрения, но его мужество и стойкость внушали Владимову глубокое уважение.

Зоя Крахмальникова была арестована 4 августа 1982 года. Обвинения против нее основывались на написании религиозных статей и распространении религиозной литературы, а также на составлении сборника религиозного содержания «Надежда», который был издан в журнале «Посев». С ней Владимовы практически не общались, так что КГБ быстро бросил эту линию давления, сосредоточившись на Бородине.

«После обыска 28 декабря 1982 года обстановка начала стремительно сгущаться и делалась все более опасной. Уже пришел к власти Андропов, прямо из спецслужбы в генсеки. Особенно на меня подействовали “покушения” на Наташу. Хотя они и были инсценированы, но кто знает, каков мог быть исход. И я понимал,

что не могу ее подвергать такой опасности. Мы стали думать об эмиграции. Андрей Дмитриевич Сахаров из Горького тоже советовал эмигрировать: “Вас, Жора, они, пожалуй, не арестуют, но могут арестовать Наташу, и отдадут Вам ее в аэропорту”, — писал он мне в записке, переданной Боннэр».

Владимовы никак не могли решиться, понимая бесповоротность такого шага: *«Под давлением, которое чувствовалось во всем, мы находились в переменчивом настроении: утром — остаемся, вечером — надо ехать!»* Звонки и поддержка заграничных друзей были очень важны, но сигналы были противоречивыми. Василий Аксенов очень подбадривал и торопил с отъездом, Александр Зиновьев советовал не обольщаться относительно легкости жизни на Западе и оставаться в Москве.

«Травлю КГБ усиливали слухи, что я пишу роман о Власове. Но травля эта была на удивление злобной, даже остервенелой. Следили, ходили по пятам, ехали за моей машиной, отключили телефон, угрожали убийством, изымали литературу и материалы для романа — такие честные методы борьбы применяли».

На допросе, связанном с делом Бородина, который состоялся 4 января 1983 года, следователь подполковник Губинский поставил Владимову ультиматум, требования которого изложены в письме Андропову от 12 января 1983 года: *«Он объявил, что “расшифрована” моя переписка. Я зачастую подписи не ставил или ставил не свою и передавал через туристов. Губинский сказал, что признана моя машинка, мой характер печати, что у них все “идентифицировано”. И он готов “выделить” мое дело из дела Бородина, и составить на меня отдельное уголовное дело, если я: 1. не назову все свои связи; 2. не обязуюсь письменно не заниматься больше антигосударственной деятельностью; 3. издаваться на Западе только официально и отдавать государству полученные от западных изданий деньги» (4/166).*

О выполнении этих условий не могло быть и речи. Срок на размышление был дан до 20 января. Владимовы советовались со всеми друзьями, считавшими, что ультиматум очень серьезный и нужно использовать любую возможность, чтобы уехать.

Допросы продолжались.

«Следователь А.П. Губинский, с которым у нас были идеологические разговоры, осведомил меня о том, что, если я покину Родину, “Россия ничего не потеряет”. “А Вы, стало быть, — спросил я, — мои книги читали?” “Нет”, — не моргнув глазом ответил он. Я ему говорю: “Как же Вы судите о человеке? Вы решаете судьбу русского писателя и ни одной книги его не прочитали”. “А мне это не нужно”, — твердо так он мне ответил. Он был 1943 года рождения. Я его задел сильно. У меня квартира, видимо, прослушивалась. Я, вернувшись с допроса, сказал Наташе, что мой следователь,

похоже, от дезертира родился: от кого же еще мог ребенок родиться в 1943 году? Так что на следующем допросе он ввернул, что его отец был политруком пулеметной роты и погиб при форсировании Днепра. Я его спросил, в какой же армии он был: “Ну, я не помню, какая там была армия...”. Я ему сказал на это: “Если бы мой отец погиб при форсировании Днепра, я бы точно помнил, в какой он был армии”. На это он ничего не ответил, но весь позеленел».

Владимов жил в постоянном и изматывающем страхе за Наташу. Объясняя свое решение эмигрировать, он сказал мне: «Если бы я был один, я бы ни за что не уехал. Я хотел жить в своей стране, я хотел быть “там, где мой народ, к несчастью, был”. Но я был уверен: знай Ахматова, что ее сын окажется в ГУЛАГе, она бы эмигрировала. Рисковать Наташей я никак не мог, не хотел, не имел права и ни за что бы ни стал».

Сама Наташа очень устала от напряжения и страха за мужа и уговаривала его уехать. Она считала, что все равно система скоро рухнет. Но пока — уехать и нормально пожить несколько лет: «Все это и без нас развалится. Тут все друзья приедут с Запада, попутешествовавшие, загорелые, а мы здесь так измучаемся, что уже и радоваться ничему не сможем».

Владимов решился принять приглашение Кельнского университета читать лекции по русской и советской литературе. Приглашение было устроено Генрихом Беллем и Львом Копелевым. 12 января 1983 года Владимов обратился в письме к Андропову с просьбой выпустить его на год за границу, объяснив свои основания для выезда: «...Я готов принять ставшие уже привычными тернии русского писателя, и как прежде недрогнувшей ногой ступил на палубу рыболовного траулера, так же ступлю и под своды Лефортовской тюрьмы. Уверяю Вас, ни следствие, ни суд, ни уготованные мне лагеря не переменят моих убеждений и не покажутся тяжелее того бесчестия, которое я нанес бы себе требуемым покаянием.

Однако вместе со мной, а может быть — вместо меня, грозятся арестовать мою жену, Наталию Кузнецову. Оказывается, и на нее “материала достаточно”, а главная ее вина — что она не прилагает усилий добиться от меня вышеуказанного письма, да еще мешает общению со мной людей, которые могли бы на меня повлиять “в лучшую сторону”. Это, в общем, неплохо придумано, хотя и не ново. Быть храбрым за чужой счет — невелика честь, и я не могу допустить, чтобы по моей вине, действительной или воображаемой, пострадал другой, будь то жена или вовсе посторонний. Как видите, славным чекистам не стоило нравственных усилий унизиться до презираемой во всем мире, но действенной тактики заложничества.

Я предлагаю иной выход, менее ущербный для нашего государственного престижа. Я готов покинуть Россию. Быть вынужденным к этому — больно и обидно для нас, свою любовь к ней мы доказали уже тем, с каким терпением сносили гонения, преследования, унижения нас самих и нашего жилища. Я не покинул свою страну добровольно в трудные для нее годы и надеюсь, в меру сил и способностей, еще послужить ей, живя за рубежом, — до той поры, когда мы сможем вернуться» (4/164–167).

Ответа от Андропова он не получил — письма предполагалось писать просительные. Понимая, что Владимов такого письма никогда не напишет, Белла Ахмадулина сама написала письмо Андропову с просьбой выпустить Владимовых:

Уважаемый Юрий Владимирович!

Мои собственные обстоятельства — благоприятны, я пишу, печатаюсь и выступаю, чем не могу не дорожить.

Тем скорее решаюсь я просить и умолять Вас — низжайше, как и подобает просителю.

Писателю Георгию Владимову (и жене его Кузнецовой Наталии Николаевне) грозит арест или грозят арестом.

У Владимова есть приглашение уехать во Францию для лечения, он, правда, тяжело болен, я говорю об этом лишь по моему усмотрению и отчаянию, потому что принимаю его здоровье и жизнь близко к сердцу.

С давних пор нашей общей литературной молодости, принесшей ему успех и известность, я прихожусь Владимову верным товарищем, любящим коллегой. Я бы не могла рассчитывать ни на чье уважение, если бы именно сейчас об этом забыла.

Я хорошо понимаю, что не к Вам и не мне должно обращаться с просьбой о возможном отъезде Георгия Владимова в чужие страны. Но я опасюсь, что Владимову не достает спокойствия и может не достать времени для принятия своих мер, надобных и правильных в его трудном случае.

Еще и потому пишу Вам, что люди всегда были ко мне добры, а судьба милостива.

Примите, пожалуйста, мои добрые новогодние пожелания.

Белла Ахмадулина

11 января 1983 года³⁶.

Белла Ахмадулина со своим мужем Борисом Мессерером отвезли письмо на улицу Куйбышева в приемную генерального секретаря. Ахмадулиной сразу позвонили с Лубянки и предложили встретиться в ресторане. Она с вызовом ответила, что у нее нет денег кормить и

поить генералов КГБ, а за их счет она в ресторан не пойдет. Тогда ей предложили встретиться в редакции ТАСС, где ее ждал главный борец с диссидентами генерал КГБ Филипп Бобков³⁷ и работавший в ТАСС генерал Вячеслав Кеворков³⁸.

«Белла за меня просила и за Бородину, которого должны были судить. Он был арестован в мае 1982 года. Он передал через своего адвоката, что хотел бы уехать. Но генералы объяснили, что кровопролития в отношении меня не хотят, а Бородину не отпустят и даже говорить об этом не будут. Встретились они с ней, вероятно, из чистого любопытства. Ну, Белла — это Белла, вышла от генералов, мы ждем ее, волнуемся. А она нам докладывает в упоении: “Я была прямо как Сара Бернар!” Мы ей говорим: “Да, подожди ты с Сарой Бернар! Скажи, что тебе там было объявлено?” Смелый она человек, чистый и преданный. Мы ее очень любили, я и сейчас очень люблю. Генералы сказали Ахмадулиной, что Бородину будут судить, а с Владимовым они “крови не хотят”, и, если будет заявление на отъезд, оно будет удовлетворено».

Георгий Николаевич не сомневался, что, если он уедет в Германию, ему не дадут вернуться, и он окажется в эмиграции. Губинский говорил писателю: *«Все зависит от того, как вы будете себя вести».* Но Владимов ему не верил.

«Умные люди мне объяснили, что они всем так говорят, чтобы по приезде на Запад человек вел себя тихо и не делал никаких заявлений».

Больше нас никуда не вызывали, оформили визы очень быстро. Пришел ответ из ОВИРа, что, пожалуйста, выезжайте. Стали собираться. Я в заявлении на выезд написал, что хочу уехать в конце мая, указал дату первого июня. Но тут мне стали намекать “опекуны”, что нужно поскорее уехать, до апреля. Я отказался, хотел дождаться суда на Бородину. Тогда начались угрозы: “Мы можем к вам через несколько дней прийти с арестом”. Я ответил: “Приходите с арестом!” Просто пугали, потому что ясно, что было решено избавиться от меня, а не в тюрьму сажать».

Бородину судили в мае 1983 года, ему дали десять лет лагерей и пять лет ссылки. А до этого меня выдвинули на премию Liberté французского Пен-клуба. Позвонили из Парижа, спросили, не навредит ли мне премия и приму ли я ее. Я спросил, кто еще выдвинут. Они ответили, что Бородин и какой-то поляк. Так как этот разговор происходил за неделю до суда над Бородину, я решил отказаться в его пользу. Сказал, что я снимаю свою кандидатуру и прошу дать Бородину. Но один он не потянул на эту премию, ее разделили с поляком, тоже диссидентом³⁹. Может быть, морально это его и поддержало, но не повлияло нисколько на приговор суда. Как десять лет хотели ему влить, так и влили. Это была моя последняя гастроль в Советском Союзе».

Съездили мы в Ленинград, попрощался я с матерью, с родными местами, съездил в Петродворец, сходил в училище свое, по друзьям походил.

Уезжали мы очень тяжело, чувство было ужасное, на меня какой-то ступор напал, я ничего перед собой не видел. Пошел и наткнулся на стеклянную стену.

Шмон на таможне был унижительный, жуткий, потрошили все чемоданы. Наташа спрашивала: “Что вы ищете?”, — не поднимая голов, отвечали: “Мы знаем, что...” Искали хоть какую-то бумажку: зацепиться, изъять. Записную книжку с адресами забрали. Объявили, что ни книг нельзя, ни словарей, особенно на словари налегали. То есть им хотелось, чтобы человек в чужой среде оказался беспомощным, без языка. А кончив шмонать, заставили нас самих собирать и укладывать разбросанные вещи: “У нас нет рабочих рук”. Поехала с нами в Германию мать Наташи, Елена Юльевна Домбровская».

Владимовы вылетели в Германию 26 мая, в день рождения Наташи: «Боль была страшная. Наташа плакала, Елена Юльевна держалась очень мужественно, успокаивала дочь и даже меня подбадривала».

Как только самолет приземлился во Франкфурте-на-Майне, в салон вошел широкоплечий мужчина из советского посольства и громко спросил: «Кто тут Владимов? Вас просят выйти последним». Мужчина остался стоять возле дверей. Когда самолет опустел, он широким жестом: «Пожалуйста», — пригласил писателя в изгнание.

1 Шолохов М. Речь на XX съезде КПСС // Собр. соч.: В 8 т. М.: Художественная литература, 1960. Т. 8. С. 317–331.

2 Чуковская Л. Процесс исключения. М.: Согласие, 1996. С. 327–331.

3 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. М.: Согласие, 1996. С. 629.

4 Гинзбург А. Белая книга по делу Даниэля и Синявского. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

5 Барабаш Юрий Яковлевич (род. в 1931 году) — литературовед и публицист, в 1966 году — консультант отдела культуры ЦК КПСС.

6 В случаях, когда приводятся цитаты из художественных текстов или публицистики Г. Владимова, опубликованных в его собрании сочинений (Владимов Г. Собрание сочинений: В 4 т. М.: NFQ/2Print, 1998), в скобках указываются номера тома и страницы.

7 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 167.

8 Беляев Альберт Андреевич (род. в 1928 году) был с 1966 года заведующим сектором художественной литературы, потом заместителем заведующего отделом культуры при ЦК КПСС. Он был также автором программной книги: Беляев А.А. Идеологическая борьба и литература. М.: Советский писатель, 1977.

9 Кузнецов Феликс Феодосьевич (1931–2016) — литературовед и критик; занимал многие должности, в 1977–1987 годах был первым секретарем правления Московской писательской организации Союза писателей СССР.

10 Кузнецов Ф., Владимов Г. Диалог в прозе. С. 6.

11 Vladimov Gheorghij. Trofaste Ruslan: Historien om en vakthund. Oslo: Gyldendal Norsk Forlag, 1976. Перевод на норв.: Odd Lund. «Gyldendal Norsk» является норвежским филиалом датского издательства «Gyldendal».

12 Оба документа об исключении из СП хранятся в РГАЛИ: Георгий Владимов // Ф. 631. Оп. 41. Д. 76/12–13.

- 13 Турчин Валентин Федорович (1931–2010) — физик-кибернетик и советский правозащитник, председатель московской группы «Amnesty International» (1974–1977); Твердохлебов Андрей Николаевич (1940–2011) — физик и правозащитник, один из учредителей Комитета прав человека в СССР (1970–1972), один из основателей «Группы-73» — правозащитной организации, помогавшей политзаключенным и преследуемым по политическим мотивам (с 1973 года).
- 14 Копелев Л., Владимов Г. «Литература существует, как двуконь» // Знамя, 2019, № 7. С. 159.
- 15 Соيفер Валерий Николаевич (род. в 1936 году) — биофизик, генетик, историк науки, правозащитник. Живет в США.
- 16 Соифер В.Н. Встречи с писателями // Континент, 2010, № 145. С. 319.
- 17 РГАЛИ. Чуковская Лидия Корнеевна // Ф. 3390–793. Ед. хр. 43.
- 18 22 января 1980 года Сахаров был задержан по дороге на работу и без суда сослан в город Горький. Указом Президиума Верховного Совета СССР он был лишен звания трижды Героя Социалистического Труда, а постановлением Совета Министров СССР — звания лауреата Сталинской и Ленинской премий и ордена Ленина.
- 19 РГАЛИ. Чуковская Лидия Корнеевна // Ф. 3390. Д. 78. Ед. хр. 2–4.
- 20 Владимов Г. К 60-летию А.Д. Сахарова // Бремя свободы. С. 111–112.
- 21 Бородин Леонид Иванович (1938–2011) — русский писатель, публицист, диссидент.
- 22 Крахмальникова Зоя Александровна (1929–2008) — литературовед, публицист, участница диссидентского движения.
- 23 Владимов Г. Не обращайтесь вниманья, маэстро // Грани, 1982, № 125. С. 5–58; первое издание в СССР: Сельская молодежь, 1989, № 6. С. 46–52; № 7. С. 50–56
- 24 Мессерер Б. Георгий Владимов // Звезда, 2016, № 1. С. 153.
- 25 Соифер В.Н. Встречи с писателями. С. 321.
- 26 Золотусский И. На пути ко «всей правде»: К выходу в свет четырехтомника Г. Владимова // Звезда, 1999, № 2. С. 199–200.
- 27 Копелев Л., Владимов Г. «Литература существует, как двуконь». С. 168.
- 28 Козловский Е. Диссидент и чиновница // Континент, 1981, № 27. С. 15–52.
- 29 Владимов Г. Какой зефир струит эфир // Бремя свободы. С. 273–274.
- 30 Владимов Г. Какой зефир струит эфир // Бремя свободы. С. 274; см. также: Пугач А. Действующие лица, организации и исполнители. Беседа с Г. Владимовым об обстоятельствах его эмиграции из СССР // Юность, 1991, № 2. С. 57–61.
- 31 Козловский Е. Красная площадь // Континент, 1981, № 30. С. 12–60; № 31. С. 57–156.
- 32 Соифер В.Н. Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. Нью Йорк: Эрмитаж — Тенафлай, 1994.
- 33 Соифер В.Н. Встречи с писателями. С. 324.
- 34 Там же. С. 323.
- 35 Георгий Владимов. Протокол обыска // Новое русское слово, 1982, 22 июня. С. 3.
- 36 Мессерер Б. Георгий Владимов. С. 161.
- 37 Бобков Филипп Денисович (1925–2019) — в 1983 году начальник 5-го управления КГБ СССР, позднее — заместитель (1983–1985) и первый заместитель (1985–1991) председателя КГБ СССР.
- 38 Кеворков Вячеслав Ервандович (1923–2017) — генерал-майор КГБ, с 1982 года заместитель генерального директора ТАСС.
- 39 В 1983 году Le Prix de la liberté французского Pen Club разделили Леонид Бородин и польский поэт Марек Новаковский (Marek Nowakowski, 1935–2014).